
Дарья Кузнецова

СЛОВО ИМПЕРАТОРА
СЛУЧАЙНЫЕ ГОСТИ
Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ!
СПАСИТЕЛЕЙ НЕ ВЫБИРАЮТ
АБОРДАЖНАЯ ДОЛЯ
ОБРАЗЦОВЫЙ САМЕЦ
ЗМЕЕЛОВОВ БОЛЬШЕ НЕТ

Цикл
«Трехцветный мир»

ЧИСТЫЙ ЛИСТ
ШЕШЕЛЬ И ШЕЛЬМА

ПРОЛОГ

Береги соседа своего, он тебе еще пригодится.

*Беряна, столица Ольбада
7 горешняка¹ 8151 г.*

— Придержите лифт! — Окрик заставил девушку дернуться.

Рука на рычаге дрогнула, но пассажирка не сразу сообразила, что именно от нее требуется: раннее утро было для Чарген самым мучительным временем суток, и скорость реакции страдала вместе с остальными положительными качествами.

К счастью спешащего, он влетел в крошечную клетушку лифта почти сразу за своим криком. Врезался в стоявшую там Чару, сбил с ног, но сам же успел поймать, не позволив отлететь к стенке. Как девушка не выронила при этом сумку — она и сама не смогла бы ответить. Все-таки сосед слишком твердый и костлявый, чтобы столкновение прошло безболезненно.

— Привет, мышка! Прости, — кривовато улыбнулся он, аккуратно выпустив попутчицу. — Вниз?

— Доброе утро, господин Сыщик! Конечно, вниз, — охотно отозвалась Чара.

Рычаг скрежетнул металлом, створки с лязгом сомкнулись, и лифт медленно поплыл. С пятого этажа он всегда полз еле-еле.

Такое вроде бы уничижительное обращение соседа совсем не задевало Чарген. Наверное, потому, что в нем не

¹ Горешняк — июль (ольбадск.). — Здесь и далее примеч. авт.

было никакого личного отношения или пренебрежения, просто констатация внешнего сходства: острый носик, темные глаза, смуглая, как у всех южан, кожа, темно-русые волосы — вроде бы длинные, вроде бы густые, но очень невыразительные и тусклые.

Черная юбка, белая блузка, серый приталенный жакет, удобные ботиночки на низком каблучке — аккуратная, по размеру, одежда, не цепляющая взгляд ни яркостью, ни нарочитой небрежностью.

Действительно — мышка. Скромная, осторожная, неприметная — не красивая, не отталкивающая, совершенно заурядная, но при ближайшем рассмотрении миловидная девушка. Обычная. Именно такая, какой должна быть приличная горожанка.

А еще это прозвище давало возможность немного расслабиться: можно не так пристально следить за словами собеседника. Отзываться на «мышку» было гораздо проще, чем на имя.

Над ответным прозвищем даже задумываться не пришлось: профессия и одна из масок мадирского театра спаялись в этом человеке воедино и настолько тесно, как будто старые драматурги списывали Сыщика непосредственно со следователя Стевана Шешеля. Правда, комедийные амплуа маски, когда ее надевали на непутевого, ленивого или жадного служителя закона, ему совсем не подходили, но это уже детали. Главное, самого соседа такое прозвище только забавляло и совсем не обижало.

— К тетушке? — Он выразительно кивнул на сумку, которую Чарген, устав держать, поставила на пол.

— Да, поеду, — подтвердила девушка. — Каникулы, в библиотеке сейчас тихо, а ей с огородом надо помочь. Сами понимаете, в деревне рабо... Ой!

На этом месте, обрывая пояснения, лифт вдруг резко дернулся, уронив Чару на соседа, и замер. Мигнув, погас осветительный шар под потолком, и воцарилась мертвая тишина, особенно пронзительная из-за чернильного мрака вокруг и стихшего гудения, с которым ехал лифт.

— Только не это! — простонала девушка, судорожно вцепившись в лацканы пиджака мужчины. Зажмурилась. Тем-

нота неприятно давила, но сейчас — не так сильно, как могла бы. Все же здорово, что сосед решил догнать лифт и разделить с ней приключение, в одиночестве пережить подобное было бы труднее.

— Ты боишься темноты? — сделал Шешель логичный вывод, даже приобнял девушку за плечи — неожиданное, но приятное проявление сочувствия.

— Боюсь, особенно когда тесное пространство. Но главное, меня такси ждет, до дирижабля меньше часа! — пожаловалась Чарген.

Следователь молча отправил куда-то вверх и вбок легкий магический импульс желтого спектра, совсем рядом в темноте тихо ухнуло, заставив Чару вздрогнуть от неожиданности. А через мгновение клетку лифта залил тусклый, слабый желтоватый свет — шар горел еле-еле, но этого было вполне достаточно для успокоения.

— А сдвинуть с места его так не получится? — неуверенно спросила девушка, не спеша покидать надежные объятия и с трудом удерживаясь от того, чтобы воспользоваться случаем и ощупать соседа.

Ее давно мучил вопрос: господин Сыщик под пиджаком крепкий и жилистый или тощий и костлявый? Склонялась к первому варианту, но найти подтверждение этому никак не удавалось.

— Да легко! — отозвался следователь. — Но сыскаря ноги кормят, поэтому они мне еще дороги как память.

— То есть?

— Если лифт грохнется с высоты третьего этажа, кости мы, конечно, соберем, но вряд ли целые, — доходчиво пояснил Шешель. Продолжая придерживать соседку одной рукой — привык уже, что ли? — вторую вытянул в сторону, освобождая из-под манжеты наручные часы. — М-да. Забежал переодеться. Садись, мы здесь надолго. — Он небрежно махнул рукой и, все же выпустив Чару, спиной по стене стек на пол.

— Может быть, позвать на помощь? Или двери попробовать открыть? Вы же сможете, и это, наверное, не так опасно, как...

— Садись, не надо ломать технику, — отмахнулся Шешель. — Или у тебя там в сумке ломик есть? Нет? Мне, конечно, льстит такая вера в мои силы, но руками я эти двери не открою. Даже если бы собирался.

— А что насчет помощи? — Чарген не готова была сдать-ся так быстро и все еще надеялась, что это недоразумение вскоре разрешится.

Опаздывать на дирижабль совсем не хотелось, от этого все планы летели псу под хвост. Она ведь собиралась для начала заехать к маме!

— Кричи, — пожал плечами следователь, невозмутимо глядя снизу вверх.

Чара неуверенно покосилась на двери, потом на соседа. Потом прислонилась к стене напротив соседа и медленно, придерживая юбку, съехала по ней, опустившись на корточки.

— Что, не будешь? — ухмыльнулся Шешель через пару секунд.

— Лучше вы, господин Сыщик, у вас голос громче, — вежливо уступила девушка.

— Жаль, — неопределенно хмыкнул сосед и слегка стукнулся затылком о стенку лифта. Прикрыл глаза.

— Это тоже бесполезно, да? — спросила Чара тихо.

— Сегодня воскресенье, половина пятого утра, — невинно пробормотал Шешель. — Нормальные люди спят. В здании толстые стены, так что шум на лестнице не побеспокоит жильцов. И лифт у нас новый, тихий, — закончил со смешком.

— Я не успею на дирижабль, да? — вздохнула девушка и тоже сползла на пол. Долго она в прежней позе все равно не высидит, куда уж тут юбку беречь!

— Не успеешь.

Несколько минут они посидели в тишине, которую нарушил жалобный стон. Чарген растерянно покосилась на соседа, который вряд ли мог издать такой звук.

— Что это было?

— Надо было позавтракать, — отозвался следователь.

— У меня есть бутерброды. Хотите? — предложила девушка и полезла в сумку еще до того, как закончила фразу.

— Хочу! — Шешель не стал скромничать, тут же заметно ожил, выпрямился и открыл глаза. Получив внушительных размеров бутерброд из пары поджаристых хлебных треугольников с начинкой между ними, уткнулся носом в хлеб, с шумом втянул запах и выдохнул со сладострастным стоном. Чара при виде этого не удержалась от хихиканья. — Спасительница! Благословите боги мышиную домовитость и запасливость! — нашел он в себе силы поблагодарить и с упоением впился зубами в хрустящий бок бутерброда. Блаженно замычал, закатив глаза, и девушка засмеялась в голос.

— Ешьте-ешьте, вы вон какой худой, вам надо, — с умилением сказала она. Шешель угукнул, не в силах оторваться от еды, которая исчезала с пугающей скоростью. — Господин Сыщик, вы когда последний раз ели? — озадачилась Чарген.

— Не помню, — честно ответил тот, кивком благодаря за следующий бутерброд.

— А спали?.. — продолжила любопытствовать Чара, разглядывая соседа внимательней.

Сейчас, в тусклом тревожном свете, лицо следователя, и в лучшие дни кажущееся слишком худым, даже изможденным, вовсе напоминало обтянутый сухой кожей череп. Темные круги под глазами, тени от скул на впалых щеках — зловещий вид.

— Примерно тогда же, — отозвался Шешель, прожевавший второй бутерброд и встретивший появление третьего с отчетливой нежностью во взгляде. Правда, на этот уже не набросился, как дворовый пес — на кусок парного мяса, даже попытался разглядеть в тусклом свете, что там внутри. — Очень вкусно!

— Вы просто голодный, — улыбнулась Чара.

— Не скажи, — качнул головой следователь. — Это шедевр бутербродостроения! Говорю, как старый холостяк, знающий толк в ленивой еде. — Он прервался на укус, прожевал гораздо тщательней с совершенно блаженным видом. — Чтоб мне посереть, ты точно добавляешь туда какой-то секретный ингредиент! Давай я на тебе женюсь, а? И ты будешь меня кормить!

— Не стоит идти на такие жертвы. — Чарген рассмеялась в ответ. — Можем договориться о сдельной оплате.

Глаза следователя жутковато сверкнули, показавшись белыми бельмами, и в выражении его лица почудилось что-то опасно-хищное. Чарген мысленно ругнулась на себя за то, что непозволительно расслабилась и выбилась из образа, и поспешила сменить тему.

— Что-то случилось? — участливо спросила она. — Вы, мне кажется, обычно выходите из дома несколько позже и в чуть более здоровом виде.

— А, у нас всегда что-то случается. — Он расслабленно махнул рукой, и Чара перевела дух: никаких вопросов и подозрений не последовало. — Газет не читаешь?

— Читаю... А, вы о том артефакторе? — припомнила она последнее громкое дело, о котором уже три дня трубили на каждом углу. Одного из известнейших зеленых магов города убили в собственном доме вместе с женой и сыном-подростком, все перевернули и вынесли кучу ценностей. — Расследуете его смерть?

— Вроде того, — чему-то недовольно поморщился Шешель.

— Надеюсь, у вас получится поймать этих чудовищ. — Хмурясь, Чарген зябко поежилась. — Представить не могу, кем надо быть, чтобы на такое пойти! Ради денег убить ребенка...

— Биологически — человеком, как и мы с вами, что не может не радовать, — спокойно пожал плечами господин Сыщик. — А мораль — понятие субъективное.

— И чем вас это радует? — растерялась она.

— Повадки людей мне неплохо знакомы. Окажись он кем-то другим — это существенно осложнило бы дело, — усмехнулся следователь. В повисшей тишине окинул взглядом темную клетушку лифта, поднялся на ноги, потянулся всем телом и, шагнув, прислонился к стене уже рядом с Чарой. — Подвинься немного, пожалуйста... да, все, достаточно. В сумке ничего хрупкого нет?

— Зависит от того, что вы собираетесь с ней делать.

— Я собираюсь на ней спать, — честно ответил следователь, пытаясь устроиться на квадратном метре площади поудобнее.

Чарген сначала опешила от такой прямолинейности, но сразу возмутиться не успела, а потом вдруг поняла, что идея не лишена смысла.

— Сейчас, погодите только, я себе куртку достану, а то сидеть холодно. Горешняк в этом году не задался, — вздохнула она.

— А пледа у тебя там, случайно, нет? — со смешком спросил следователь, с интересом заглядывая в сумку. Но скрывать Чаре было нечего, она везла в сумке только пару сменных платяев, белье и еще кое-какие мелочи.

— Увы, нет, — виновато пожала плечами она, наблюдая за тем, как следователь пытается угнездиться в тесноте лифта. — Может, вам не стоит лежать на холодном полу? — все-таки спросила она.

— Не могу спать сидя. Иногда получается, но до обмороков я пока еще не устал.

Наконец он кое-как устроился, подложив сумку под голову и свернувшись калачиком, так что Чаре было некуда даже вытянуть ноги.

— Разбуди, когда кому-то понадобится лифт и нас начнут спасать, — проговорил Шешель сквозь зевок, который даже не попытался прикрыть ладонью. И отключился, кажется, в следующее мгновение, не дожидаясь ответа.

Чарген несколько секунд напряженно прислушивалась: почему-то казалось, что сосед непременно должен храпеть. Но нет, сытый Сыщик оказался пугающе тих, почти как выключившийся лифт.

Это было забавно — вот так сидеть рядом со Стеваном Шешелем, грозой преступного мира Беряны, а порой даже всего Ольбада. Мужчина не особенно распространялся о собственной жизни, но соседи, на чьих глазах он вырос, могли много чего порассказать про одинокого следователя. И, конечно, рассказали, когда пять лет назад в давно пустующую квартиру въехала новая хозяйка.

Поначалу, обнаружив такого соседа, Чара не на шутку испугалась и задумалась, не поменять ли адрес. Но стало

жаль квартиру, где она еще такую найдет! Жилье досталось ей вполне легальным, хотя и неожиданным способом: по завещанию давнего друга матери. Точнее, досталось не совсем ей, а маме, но...

Чарген жила тут под именем и личиной Биляны Белич, мышки, которая являлась дочкой покойной лучшей подруги квартирной хозяйки. Женщины одинокой, больной и сердобольной, которую жиличка регулярно навещала. Так было безопаснее и разумней, чем светить настоящее имя, да и от некоторых проблем оберегало. Например, надежно избавляло от желающих облапошить наивную одинокую дурочку и заполучить хорошую квартиру в престижном районе столицы. Будь она хозяйкой, непременно кто-то попытался бы, а так — что с сиротки-приживалки возьмешь!

А потом Чара оценила иронию ситуации и аккуратно сошлась с легендарным следователем. Ну так, слегка, по-соседски. Здоровалась, скромно и немного смущенно улыбалась, иногда перебрасывалась какими-то общими фразами. Рассказывала про работу в библиотеке, про тетушку, какая она чудесная, добрая и одинокая.

Всем рассказывала. И со всеми сходилась примерно одинаково: глупо недооценивать наблюдательность и внимательность соседей и уж точно не стоит ими пренебрегать. Просто с Шешелем это еще и щекотало нервы.

Но вот так тесно они общались впервые. И Чарген, хотя испытывала любопытство и азарт, все равно сердилась на себя за то, что непозволительно расслабилась и отошла от выбранного образа. Мало того что позорно и непрофессионально, так еще и опасно! Господин Сыщик — въедливый тип, не нужно будить в нем лишние подозрения.

Она еще раз мрачно покосилась на тусклый световой шар, потом — на свернувшегося трогательным клубочком следователя. Со смешком вспомнила его замечание о женитбе, окинула соседа новым критическим взглядом.

Следователь Чаре нравился. Худой, конечно, как щепка, она предпочитала более ладные фигуры. Но лицо приятное, выразительное, особенно глаза — холодные, светлые. Взгляд цепкий, бодрит. А еще ей нравились его чувство юмора, обаяние, хладнокровие. И блондинов она любила,

хотя никак не могла понять: белобрысый Шешель или это ранняя седина, уж очень странный цвет.

Ну и, главное, это была бы шутка, способная рассмешить богов: она — замужем за высокочеловеческим сыщиком из следственного комитета, вероятным сотрудником контрразведки Ольбада. Даже жаль, что ближайшая свадьба уже запланирована.

И Чара, притулившись в углу, тоже задремала. Спешить ей было уже некуда, такси наверняка уехало, а дирижабль — улетел.

ГЛАВА 1

Замужество как прыжок с парашютом: первый раз страшно, потом увлекаешься

*Беряна, столица Ольбада
5 сепеня¹ 8151 г.*

Быть «прелесть какой дурочкой», не скатываясь до «ужас какой дуры», — искусство сложное, но жизненно необходимое. Этот бесценный талант Чарген, увы, от матери не передался, пришлось нарабатывать долгими тренировками. Острой на язык Чаре сложнее всего далось именно это, даже смирение и послушание не вызывали столько проблем.

Но если бы мама могла сейчас видеть свою старшую и, безусловно, любимую дочь, очень бы ею гордилась. Чарген, то есть Цветана Лилич, то есть теперь уже, по мужу, Цветана Ралевич, дурочкой была восхитительно очаровательной. Легкое воздушное платье нежно-розового цвета оттеняло светлую фарфоровую кожу, аккуратно заколотые драгоценными гребнями локоны блестели полированным золотом, яркие голубые глаза смотрели на мир с наивным восторгом, заставляя стоящих рядом мужчин невольно приосаниваться и вызывая покровительственные улыбки.

Муж, которого это трепетное создание держало сейчас под локоть, поглядывал на распускающих хвосты приятелей и дальних родственников снисходительно, принимая все восторги на собственный счет. Новым приобретением Павле Ралевич был доволен и даже обоснованно горд: найти такое чудо в Беряне — редкая удача. Совсем юная, неж-

¹ С е п е н ь — август (*ольбадск.*).

ная пансионерка, скромная, хорошо воспитанная, всего пару месяцев назад прибывшая в столицу из своего пансиона. Невинная, как первоцвет, что Павле подозревал все время их знакомства и в чем с глубоким удовлетворением убедился вчерашней брачной ночью.

Выгодное приобретение, доставшееся очень дешево, которое при минимальном вложении засверкало бриллиантом чистой воды.

Павле Ралевич, сорока пяти лет, совладелец ювелирного дома «Северная корона», опытный зеленый маг и авторитетный артефактор, в деньгах не нуждался, поэтому жениться на кошельке считал глупым. Такая девица будет капризна и избалованна, а он слишком занят, чтобы с ней носиться. Голубой крови Павле тоже не искал: тщеславие не требовало обзаводиться титулом, а в его делах положение не играло роли, аристократы и так держались весьма любезно. Да и девица такая будет либо слишком требовательна, либо... В общем, зачем такие сложности?

То ли дело вот это юное создание! Выгодное приобретение, да.

— А как вы думаете, прекрасная Цветана, ждать нам войны с Регидоном? — внезапное обращение одного из друзей мужа заставило очень к месту вздрогнуть от неожиданности.

Голубые глаза пару раз растерянно моргнули, новобрачная неуверенно улыбнулась и проговорила, смущенно опустив взгляд:

— Простите, сударь, я совсем ничего в этом не смыслю... Павле, как ты считаешь?

— Ждать, — с легкой усмешкой ответил тот. — Через пару десятков лет, когда технические средства позволят. Если сумеем протянуть столько без какого-нибудь бунта.

Чарген испуганно ахнула, теснее прильнула к боку мужа, ненавязчиво прижимаясь к его локтю грудью.

— Павле, какие ужасы ты говоришь! Война, бунт...

— Не бойся, Цветочек, нас это все не затронет. — Ралевич накрыл узкую ладошку своей.

Один из собеседников горячо возразил, что владыка ни за что не допустит подобного, еще один, по выправке — от-

ставной офицер, неодобрительно высказался о настрое хозяина приема. Чара слушала, не забывая испуганно жаться к мужу и растерянно хлопать глазами на мужчин, изображая непонимание. И рассеянно думала, что в этот раз вполне угадала с супругом: его точно не будет жаль.

— Цветочек, пойди присядь, ты устала. Да и не нужно тебе все это слушать, — обратился к ней Павле.

— Спасибо, дорогой! — благодарно улыбнулась Чара. И хотя предпочла бы еще послушать и «поболеть» за офицера, послушно ушла к столику с напитками, который стоял возле выхода на балкон.

Прием был очень небольшим. Почему муж решил устроить его на следующий день после свадьбы, Чарген не поняла, но особенно и не расспрашивала: не положено. Шумной компании друзей у Ралевича не водилось, да и вообще тех, кого можно назвать друзьями, большой дружной семьи — тоже. Поэтому сегодня молодоженов окружали деловые партнеры, случайные люди из клуба, который Павле посещал то ли ради статуса, то ли для сбора новостей, да постоянные клиенты ювелирного дома. Разношерстное скучающее общество.

Чара подумала, что ей как хозяйке и виновнице торжества стоило бы блистать и развлекать гостей, раз муж не желает, но от мысли этой отказалась сразу. Где бы вчерашней пансионерке научиться той уверенности, которая для подобного требовалась? Оставалось стоять в уголке, разглядывать гостей и мечтать, чтобы все это поскорее кончилось.

С другой стороны, когда закончится это, снова придется делить с Ралевичем супружескую постель, и неизвестно, что хуже. Любовником супруг оказался скучным и эгоистичным, целовал так, что после хотелось умыться, и смешно сопел. И это тоже не добавляло новобрачной сочувствия и симпатии.

— Скучаете, госпожа Ралевич? — Прозвучавший сбоку голос заставил Чару опять вздрогнуть от неожиданности и встревоженно обернуться. Чтобы тут же расслабиться и смущенно улыбнуться.

Высокий импозантный мужчина, чуть полноватый, с благородной сединой на висках — один из совладельцев

«Северной короны». В прошлом сам ювелир, но отошел от дел — проблемы с руками. Холост и очень одинок почти двадцать лет, с момента смерти супруги, не оставившей ему детей. Чарген успела выяснить о нем многое, она какое-то время колебалась между кандидатурами двух совладельцев. Но господин Гожкович понравился ей своей манерой общения, ироничностью и глубокими грустными глазами, поэтому выбор пал на Ралевича.

За последние десять лет она ни разу не сошлась с мужчиной, который был бы ей симпатичен: не хотела повторять ошибок матери и проверять выносливость собственной совести. Все же обманывать приятнее скользких типов вроде нового мужа, а не приличных и порядочных людей.

— Такое количество гостей, и все так строго на меня смотрят! — пожаловалась Чара. — Я страшно боюсь сказать или сделать что-то не так и расстроить Павле.

— Павле сложно расстроить такой мелочью, — одними губами улыбнулся Гожкович. — Позвольте за вами поухаживать. Чего желаете? Вина? Или, может быть, сок?

— Лимонада, если вас не затруднит, — попросила ново-
брачная, скрывая досаду: выбрать ей хотелось первое.

Вино у мужа было не за пределами дорогим, но хорошим: сорт фенаса, виноградники побережья, Ежарская долина, почти местное. Наглядный пример рачительного характера Ралевича, который не любил переплачивать, особенно за пыль в глаза.

Чара такое очень любила, хотя пробовать его доводилось редко: пить просто так, к обеду или ужину, в одиночестве было скучно и неприятно, хорошо посидеть вечером за бутылочкой — банально не с кем. А когда выдавалась случайная компания — приходилось играть роль, а значит, требовалось сохранять абсолютно трезвый рассудок и остроту восприятия.

Конечно, Гожковича не затруднило. Большой кувшин, зачарованный на охлаждение, мужчина аккуратно взял двумя руками, стекло звякнуло о стекло, плеснула ароматная жидкость и тонкой струйкой полилась в высокий стакан, слегка запотевший от температуры напитка.

— Прошу. — Бывший ювелир протянул наполненный сосуд собеседнице.

Новобрачная приняла его, пригубила ароматный напиток солнечного цвета и немного примирилась с действительностью. Конечно, не белое полусладкое, но весьма недурно.

— Спасибо. У Павле столько друзей, все такие солидные. И дамы... Мне кажется, я никогда не смогу стать на них похожей! — посетовала Чара для поддержания разговора. Не стоять же истуканом.

— А стоит ли кому-то уподобляться? Вы юны и прекрасны, оставайтесь такой подольше. Надеюсь, Павле не загубит такое чудо, — рассеянно закончил он, посмотрев на хозяйина приема.

Тот взгляд встретил, отметил почтительное расстояние между своим ценным приобретением и партнером и коротко кивнул. Гожкович улыбнулся в ответ, отсалютовал бокалом.

— Не понимаю, о чем вы. Павле такой замечательный! Я словно попала в настоящую сказку с настоящим принцем!

Собеседник чуть заметно улыбнулся. То ли восторженности Цветаны, то ли ее же фантазии: невысокий, с оплывшей фигурой, невыразительным лицом и залысынами, на героя девичьих грез Ралевич не походил совершенно. Но зато вполне тянул на живого, настоящего принца: они тоже люди, и молодые красавцы среди них попадаются не так уж часто. Как и в любой другой профессии.

— Павле бывает... резок. И скор на расправу. Впрочем, простите, не хотел вас напугать, в конце концов это просто слухи.

— Какие слухи? — проявила Чарген вполне подходящее юной девушке любопытство, на которое наверняка и рассчитывал собеседник.

— Говорят, Павле бывает жесток с женщинами, которые его разочаровали. Одна из его любовниц, например, бесследно исчезла.

— Вы говорите гадости! — Свежеиспеченная госпожа Ралевич обиженно насупилась, а под конец даже добавила

слезы в голос. — Павле не такой! Он хороший и добрый, а вы — злой и лицемерный! Как вы можете, вы же его друг?!

— Я лишь хотел выразить надежду, что вы будете с ним счастливы. Прошу простить меня, если допустил бестактность. — Он склонил голову. — Вы, разумеется, совсем не похожи на остальных женщин, вы ведь теперь его жена. И еще раз извините, надеюсь, я не слишком вас расстроил.

Партнер поклонился и отошел, а Чарген нервным жестом пригубила лимонад и нашла взглядом супруга. Тот продолжал увлеченный разговор с прежней группой мужчин, в сторону жены не смотрел и, кажется, не заметил произошедшего между ней с Гожковичем обмена любезностями. Поэтому Чара предпочла сделать вид, что ничего не случилось.

Хорошо, что никто не горит желанием познакомиться с ней поближе. Можно немного расслабиться и, например, спокойно обдумать состоявшийся разговор.

Неприятные слухи об артефакторе, упомянутые сейчас партнером мужа, Чара слышала, но не очень-то им верила. Вспыльчивость и жестокость совершенно не вязались и с рациональностью Ралевича, и, главное, с его почти полной бесчувственностью. Он мог бы причинить боль и даже убить, тут Чарген излишних надежд не питала, но — руководствуясь холодной логикой и собственной выгодой.

Кроме того, Чара видела двух отставных любовниц мужчины, злых и обиженных на Ралевича за его скупость, и вполне допускала, что слухи такие могли распустить именно они из-за чрезмерной прижимистости артефактора. Он не просто не баловал женщин подарками, но не давал даже денег на карманные расходы, поэтому отношения с особами, рассчитывавшими на прибыльное место содержанки обеспеченного мужчины, долго не длились.

Чарген вполне понимала обиду этих любовниц и то, что в объятия Ралевича их толкали неизменный женский оптимизм и уверенность, что уж они-то сумеют добиться от скупердяя какой-то выгоды. Сочувствовала им, но наступать на те же грабли не планировала, поэтому схему с «доением» любовника отбросила сразу, с Ралевичем стоило действовать совершенно иначе.

Тем не менее слух о жестокости Чара тоже брала в расчет, допуская его правдивость. В конце концов, даже очень рассудительные и сдержанные на вид люди могут таить в душе подлинных, жутких чудовищ.

Впрочем, на ее планы эта вероятность не влияла. Чарген не собиралась жить с этим человеком до старости, надеялась управиться за месяц-другой и потому о вероятной жестокости Ралевича в отдельных ситуациях задумывалась мало. Вряд ли он начнет кидаться на нее на ровном месте на второй день супружества, а ни малейшего повода к агрессии Чара давать не собиралась. Глупенькая, наивная, не смеющая сказать мужу и слова поперек, послушная, как заводная игрушка, — вряд ли такая Цветана успеет познакомиться с гипотетическими темными сторонами личности мужа.

Сейчас Чарген волновало другое. Зачем Гожкович заговорил об этом? В альтруизм и заботу о здоровье юной девы не верилось совсем, да и проявлять их стоило заранее, до свадьбы. Хотел посмотреть на реакцию? Надеялся рассорить? Вряд ли, он проницательный человек, должен понимать, насколько полностью молодая жена зависима от мужа и — как минимум пока — предана ему.

Странно. Непонятно и потому очень подозрительно.

Но вскоре к Чарген подошел муж, и посторонние размышления пришлось отложить до лучших времен.

— Павле! Хочешь, я чего-нибудь тебе налью? — предложила она радостно.

— Не стоит утруждаться, Цветочек, — отмахнулся тот и плеснул себе брады. — Как тебе прием?

— Так много людей, все такие яркие, солидные... Это так сложно!

— Ничего, со временем привыкнешь. Если хочешь, можешь пойти к себе и лечь спать пораньше. Завтра у нас дирижабль.

— Дирижабль? — ахнула Цветана.

— Полетим отдохнуть, — пояснил Ралевич и вопросительно вскинул брови. — Ты не рада?

— Что ты! Это замечательно, побыть немного только с тобой! Просто ты так занят, у тебя столько работы, и мне

стыдно, что я отвлекаю тебя и из-за меня ты вынужден пересматривать планы...

— Могу себе позволить, — покровительственно улыбнулся муж. — Так что, ты хочешь остаться или поднимешься к себе?

— Если ты не возражаешь, я бы лучше легла пораньше.

— Прекрасно. Тогда позволь тебя проводить.

Со вспыхнувшим от неожиданных новостей раздражением удалось справиться быстро и, кажется, незаметно, а возможностью сбежать с этого приема под благовидным предлогом Чарген воспользовалась с облегчением.

Как же несвоевременно Ралевич решил устроить себе отпуск! В столице было бы куда проще: и заветный сейф под боком, и видеть дражайшего супруга предстояло реже. Здесь, в доме, он предпочел отвести молодой жене отдельную спальню, и Чара, внешне изобразив печальную покорность, внутри искренне порадовалась такому подарку. А в гостинице постель наверняка будет общей, и все внимание мужа окажется посвящено Цветане...

Ну да и ладно, потерпит. Никто ведь не обещал, что будет легко!

Уже засыпая на широкой кровати, застеленной хрустящим от свежести бельем, Чара позволила себе немного рассеянности и фантазий. Что когда-нибудь — уже совсем скоро, наверное, сразу после Ралевича, — она все же согласится с матерью. Старшие выросли, и нет столь острой нужды в деньгах, поэтому можно завязать с этим опасным и неприятным делом. Ангелар, например, взрослый серьезный мужчина, хороший юрист, который неплохо зарабатывает и помогает семье. Да, придется пожить скромнее, но даже младшие поймут.

И тогда Чара сумеет начать новую жизнь. Свою. Никаких больше ролей, никаких масок и имен, никакого сбора информации об обеспеченных холостяках столицы. Никаких опасений лишний раз привлечь внимание стражи. Подработка, учеба в университете, о которой она давно уже мечтала. Под своим именем, со своим лицом. Если сумеет вспомнить, как оно выглядит...

От последней мысли настроение привычно испортилось, и Чара поступила так, как поступала много раз до этого: постаралась расслабиться и отвлечься. Перевернулась на другой бок и вскоре уже спокойно и крепко спала — так, как положено юной девушке с кристально чистой совестью.

Утро началось рано, с визита горничной, которая пришла помочь с одеждой и волосами. Вещи в дорогу слуги собрали без участия молодой хозяйки, что Чарген вполне устраивало. А то обстоятельство, что муж спозаранку умчался по каким-то важным делам, наказав ждать его возвращения, и вовсе радовало: завтрак в одиночестве был приятней его компании.

Время до возвращения супруга пришлось коротать за вышивкой, в нынешней роли вариантов было немного. Чара не особенно любила это занятие, но иглолку держать умела и резкого отвращения к ниткам, к счастью, не питала. Возможной альтернативой служило чтение чего-то необременительно-развлекательного, но рукоделие подходило куда лучше: пусть муж лишний раз порадуетя трудолюбию и скромности жены.

Не говоря уже о том, что книги в этом доме хранились в кабинете, совать в который нос лишний раз было опасно. Нельзя давать ни малейшего намека, будто Чару интересует содержимое этой комнаты! Нет, это территория мужа, на которую приличная жена посмеет шагнуть только по его приглашению. Или тогда, когда будет уверена, что дражайший супруг не явится в самый неподходящий момент и слуги не увидят лишнего. Сейчас явно не тот случай.

Правильно перестраховывалась: Ралевич вернулся вскоре после завтрака. Собранный, деловой, с легкой нервозностью во взгляде и движениях. Очаровательно наивная Цветана этой детали, конечно, не заметила, просияла улыбкой при виде мужа, а вот Чара насторожилась. Особенно когда муж почти без прелюдии заявил:

— Цветочек, у меня есть подарок для тебя. Соревноваться с твоей красотой он, конечно, не способен, но оттенить, надеюсь, сумеет. Пойдем. Мне хочется, чтобы ты надела его сейчас.

— О, Павле! Не стоило, — показательно смутилась супруга, пряча счастливую улыбку.

— Стоило, Цветочек. Ты достойна того, чтобы тебя баловать, — сладко улыбнулся Ралевич.

Чара мрачно подумала, что после такого оскала нужно бы бежать без оглядки. Увы, позволить себе подобного она не могла и смиренно последовала за мужем в кабинет, уповая на удачу. В конце концов, может, ей почудилось, а подарить он решил какой-нибудь пустяк. Много ли надо, чтобы порадовать наивную простушку?..

Не повезло. В черной лаковой шкатулке — простой, без изысков, призванной не отвлекать от содержимого, — обнаружился по-настоящему роскошный подарок. Широкий браслет — кружевная тончайшая скань белого золота с россыпью бриллиантов. Настоящих, за это Чара готова была поручиться, не подходя к артефакту.

«Не подходить к артефакту» было вообще отличной идеей, и Чарген с большим удовольствием воплотила бы ее в жизнь. Любой нормальный человек воплотил, потому что незнакомый артефакт потенциально опасен, а Чара понятия не имела, каково назначение этой штуки. На глаз определить не могла, но ничего хорошего от Ралевича не ждала: до крайности скаредный тип, дарящий такую драгоценность нелюбимой супруге на второй день совместной жизни, выглядел более чем подозрительно. Что он задумал? И с какой целью, во имя богов, создана эта драгоценность?!

По спине пробежал нервный холодок и осел в затылке.

— Какая красота! — зачарованно выдохнула Чара, ослепленная блеском бриллиантов. — Боги! Павле, но это...

— Иди сюда. — Ралевич с улыбкой протянул ей руку, взял в другую браслет. — Я хочу, чтобы ты его надела и не снимала.

— Но он такой красивый! Я недостойна... — проямлила Чарген, однако покорно протянула кисть.

Застежки артефакт, как и большинство подобных ему предметов, не имел, Павле надел его на тонкое женское запястье, не размыкая. Сложное воздействие зеленого спектра Чара заметила, но оно было слишком запутанным и коротким, чтобы разобраться в плетении.

Ощущение, что на руке сомкнулись кандалы, заставило внутренне поежиться. Чара уставилась на артефакт, очень надеясь, что удастся изобразить восхищение: юная глупышка не может смотреть на драгоценный подарок как на ядовитую змею, готовую ужалить.

— Прекрасно. Я знал, что тебе подойдет, — улыбнулся Ралевич. Нервозность из его взгляда никуда не делась, что не добавило радости и Чарген.

— Павле, это... прекрасно! — прошептала она и, мысленно выругавшись, поспешила повиснуть на шее мужа с благодарным лепетом.

Следовало срочно взять себя в руки, пока он не заметил подвоха. Конечно, он сам слишком встревожен и погружен в какие-то посторонние мысли, но мало ли! Это явно не тот случай, когда можно позволить себе рисковать, даже в мелочах.

— Носи его не снимая, — проговорил Павле, мало успокоенный и такими восторгами жены. — Это артефакт.

— О! А какой?

— Он укрепляет здоровье и защищает от болезней. Ты, мой цветочек, такая нежная и хрупкая, я беспокоюсь. — Ралевич одарил молодую жену еще одним сладким оскалом.

— Павле, ты такой заботливый!

Чара готова была спорить на свою руку вместе с проклятым браслетом, что он солгал, прямо и грубо, не ожидая от глупенькой Цветаны и намека на подозрения.

Целительская магия имела два цвета: красный — прямое управление живой материей, и фиолетовый — ее изменение. Оттенков, положенных целительской игрушке, в артефакте не было и близко, уж за это Чарген готова была поручиться. Да, она самоучка без хорошего образования, но привычную, знакомую магию совершенно точно бы углядела, пусть и без подробностей.

Нет, в сплетении золотых нитей мерцали желтизна и зелень, управление и изменение неживого. Чего? Как именно? Чара не могла оценить даже примерно, только понимала, что вещь наверняка исключительно сильна. Хотя бы даже из-за количества бриллиантов — самого мощного камня в артефакторике.

— Будем надеяться, тебе не придется проверять его действие на практике, — отозвался Ралевич. Странно, но показалось, в этот раз он был вполне искренен. Надо ли говорить, что подобное Чаре совсем не понравилось! — Одевайся, мы скоро отправляемся.

Молодая жена упорхнула, то и дело поднося к лицу обновку, чтобы полюбоваться. Безумно сложное, запутанное плетение — вот так с ходу не удавалось припомнить, когда за свою долгую насыщенную жизнь мошенница видела хоть что-то подобное. Безумно, невозможно дорогая игрушка! Увы, не стоило и пытаться ее снять, для этого требовалось точно знать, куда и как приложить силу. А даже если бы Чарген знала ответ на этот вопрос, все равно бы не справилась: магия этих цветов была слишком ей чужда.

Пока дошла до гардеробной, пока переделалась в легкое дорожное платье с коротким рукавом — нужно же похвастаться обновкой! — Чарген успокоилась и взяла себя в руки.

Что бы ни делал этот браслет, он как минимум не мешал ее собственной магии и никак на нее не влиял. Даже к лучшему, что он не целительский, а завязан совсем на другое направление. Меньше риск конфликта, да и не так страшно: он точно не действует на разум и не заставит болтать лишнее.

Ну а то, что драгоценность не снимается... Кисть — не голова, есть простой фокус, которым при необходимости можно воспользоваться. И удрать. Желательно — прихватив ценную игрушку с собой. Для этого, правда, нужно разжиться экранированным ящичком, чтобы артефакт невозможно было отследить.

Узнать бы, что на самом деле делает это произведение ювелирного и магического искусства, но как? Спрашивать мужа бесполезно, как и о том, зачем он вообще нацепил эту драгоценность на молодую супругу. Точно ведь не подарок, иначе не стал бы врать и о его назначении. Но что?!

Чарген никогда не имела развитой интуиции, компенсируя отсутствие этого полезного чувства осведомленностью. Не требовалось обладать ею и теперь, чтобы понять: Чара влипла в дурную историю и по-хорошему стоило бы бежать прямо сейчас, не дожидаясь развития событий и плю-

нув на артефакт. Но до смерти было жаль потраченных на этого человека времени, сил и средств.

Три месяца она аккуратно собирала информацию и готовила маску, разыскивая подходящую девушку с подходящей биографией, отдала круглую сумму за левые документы. Целый месяц проживала в тесной убогой комнатухе, терпела скучные ухаживания жадного, неприятного типа, опускала глазки и томно вздыхала. Да она вчера вытерпела первую брачную ночь с этим неуклюжим индюком! И хотя девственность ее была изрядно потрепана и восстановлена магическим путем, но больно и противно было по-настоящему. А теперь что — она сбежит поджав хвост при первых признаках опасности?! Нет уж, без куша хотя бы в горстку хороших камней она не уйдет!

Преисполненная решимости, Чарген бодро спустилась вниз, где уже ждали вещи. Ничего, она и поездку эту выдержит, зато потом Ралевич, пусть и вопреки собственным желаниям, щедро отблагодарит жену за проведенное вместе время...

В автомобиле супруг был задумчив и погружен в какие-то деловые бумаги, куда Чара, преодолевая собственное любопытство, ни разу не заглянула. Сидела, таращилась в окно и тербила роскошный браслет на руке, то и дело на него поглядывая и искренне жалея, что на улице слишком тепло и глухое платье с длинными рукавами смотрелось бы неуместно. Боги с ним, с истинным предназначением артефакта, но тут ведь издали видно, что он стоит баснословных денег. А ну как грабители позарятся? С рукой ведь оторвут, им плевать будет, что он не снимается...

Дорога через город получилась долгой. Улицы оказались заполнены машинами, да еще, как назло, по пути попалось несколько аварий, так что до воздушного порта добрались за несколько минут до отправления. К счастью, носильщик подвернулся быстро и оказался расторопным, до посадочной площадки добежать успели. Ралевич, похоже, отлично знал, от какой именно причальной вышки отходит нужный рейс, поэтому спешил через вокзал целенаправленно. И на месте, судя по искренней радости и горячим

благодарностям носильщика, расщедрился на хорошие чаевые, что тоже было на него не похоже.

Чару опять охватила тревога. Куда они летят, что происходит?!

Увы, на глаза по дороге не попало ни одного указателя, в вокзал они забежали через какой-то боковой неприметный вход и почти сразу попали в руки воздушной стражи, проверявшей документы на нужный рейс. Судя по всему, супруги Ралевич оказались последними пассажирами.

Паспорта проглядели наскоро, но сердце Чары в этот момент привычно подпрыгнуло к горлу: вдруг обман вскрыется? Но нет, подделка оказалась хороша.

От здания вокзала к каждой из вышек тянулась линия узкоколейной железной дороги, опутавшей всю территорию порта плотной сетью. Пассажиров по ней возил почти игрушечный паровозик с небольшими, словно детскими вагонами. Сходство подчеркивалось их яркой сочной раскраской. Семь штук, каждый выкрашен в свой цвет спектра — прелесть.

— Чему ты улыбаешься? — спросил Ралевич, когда они расселись и маленький черный локомотив тронулся. После проверки документов муж заметно повеселел.

«Тоже, что ли, с фальшивым паспортом летит?» — рассеянно подумала Чара.

— Такой симпатичный паровозик, и вагончики очень милые, — искренне ответила она.

— Все же ты совсем еще ребенок, — снисходительно хмыкнул он.

Спорить Чарген не стала, только беспечно засмеялась и приникла к окну, чтобы не смотреть на спутника. И хотя время для нее имело обычай растягиваться от беспокойства, именно сейчас оно изменило этой традиции: путь до причальной вышки оказался издевательски коротким и быстрым, как и подъем наверх, и посадка в дирижабль.

Каюта была просторной и по-настоящему роскошной, Ралевич явно не поскупился. Две комнаты, гостиная и спальня, своя уборная и даже душ. Чарген даже не пришлось изображать восхищение и удивление, потому что летать в таких условиях ей никогда раньше не доводилось. Кресла в

общем салоне обычно вполне хватало, зачем переплачивать за несколько часов? Она, конечно, слышала, что богачи путешествуют в других условиях, но знать и видеть своими глазами — разные вещи.

Когда они оказались в каюте, Ралевич окончательно расслабился и повеселел. Точно ведь чего-то боялся всю дорогу... Из-за этого артефакта? Или у него безо всякого артефакта какие-то проблемы? Боги, да кому мог понадобиться этот тип, кроме аферистки вроде Чары?!

— Какая красота! — проговорила Чара, оглядываясь. — Но зачем нужна спальня?..

— Перелет длинный, почти трое суток. Как тут без кровати?

— Трое суток? — ахнула Чарген. — Но куда мы летим?!

— В Норк.

— Куда? — переспросила потрясенно, хотя и с первого раза прекрасно расслышала.

— В Норк, столицу Регидона. Ты же никогда там не была? — усмехнулся Ралевич.

— Нет, никогда, — пробормотала она. — Мы полетим над океаном?..

— Бояться нечего, дирижабль — самый надежный транспорт, — убежденно отмахнулся Ралевич. — А на Норк стоит посмотреть, прекрасный город. В сравнении с ним Беряна — сонная провинция. Каждый раз, когда туда возвращаюсь, чувство, что приехал в деревню. Иди сюда, Цветочек, ты же не очень устала с дороги? — довольно улыбнулся он.

— Не очень, — вынужденно призналась она, ласково улыбнулась и шагнула к мужу.

Сложнее всего оказалось побороть порыв вцепиться ему в горло. Чтоб ему посереть, этому индюку, куда он ее тащит?! Да уж, теперь точно не сбежишь, не в океан же головой вниз! И что ей делать в этом проклятом Регидоне, если она не знает языка даже на уровне «да, нет, спасибо»?!

А старику Марчелису надо сказать большое спасибо за отличную работу: если его подделку даже здесь, на паспортном контроле не разглядели, она ничем не хуже оригинала. Вот было бы весело, если бы Чару прямо в порту взяли под локотки за подлог документов!

Растерянность и негодование вскоре сменились откровенной злостью. Нет уж, она доиграет свою роль милой влюбленной глупышки и постарается вытрясти из Ралевица как можно больше.

А еще — сосредоточится на поисках компромата. И если что-то попадет, не станет тратить силы и время на шантаж, а с огромным моральным удовлетворением передаст куда следует, пусть с муженьком следственный комитет разбирается. А что-то ведь непременно попадет, потому что... Легальные дела не бывают настолько внезапными, не прикрываются свадебным путешествием, не вызывают у опытного дельца столько волнения.

Нет, Ралевич влез в огромную кучу редкой дряни, и хорошо, если без политического душка. И она — вслед за ним.

Впрочем, ладно, не стоит тратить силы и нервы на панику, сбежать никогда не поздно. Она и в Регидоне, если что, не пропадет, уж как-нибудь выкрутится. Тут главное — отобрать свой паспорт у муженька, а то он так и держит его у себя с самой свадьбы. Причем Чара бы совсем не удивилась, что держит намеренно.

Во всей сложившейся ситуации Чарген пока видела единственный жирный плюс: «жертву» она в этот раз выбрала исключительно удачно. Просто потому, что с каждой минутой общения Ралевича все больше хотелось не только лишиться крупной суммы, но вообще пустить по миру без медахи в кармане.

ГЛАВА 2

Покойники порой доставляют больше проблем, чем живые

Дорога получилась отвратительно длинной, тоскливой и трудной. В дирижабле Чаре некуда было деться от общества мужа, который тоже не имел полезного занятия и все время посвящал супруге. Единожды приняв твердое решение, Чарген продолжала уверенно играть роль и обхаживать мужа, однако мысленно считала минуты до приземления. От улыбки уже начало сводить скулы, а единственной

отдушиной оставались мечты и фантазии. Сначала — о мелких гадостях на уровне соли в чай супруга, потом — о куда более крупных, вроде цианида, туда же.

Нет, он совершенно точно не отделается от нее легко! Чара пока еще не знала, что такого плохого сделает мужу, но была уверена — обязательно сделает. Не убьет, конечно, ввязываться в серьезные преступления она не собиралась, но есть ведь куча вещей гораздо хуже смерти. Тюрьма, например.

Весть о прибытии в Норк Чарген восприняла с огромным облегчением. А сходя под руку с мужем по широкой винтовой лестнице причальной вышки, она вдруг отчетливо поняла: устала. Не только сейчас и от Ралевича, но вообще от такой жизни. Слишком много ворчит, слишком много ругается, нет того азарта, который был поначалу и даже еще в прошлом году, с предыдущей жертвой, чтобы горячил кровь. Ралевич, конечно, неприятный тип, но разве другие вызывали симпатию? Нет, дело совсем не в нем. Ну о чем можно говорить, если она всерьез рассматривает вариант пожертвовать деньгами и сделать подарок СК?!

Да и удача начала отворачиваться слишком демонстративно, и игнорировать подобные намеки — последнее дело. Давно уже нет стремления доказать всему миру, что она сможет, какое подстегивало поначалу, нет безысходности и нужды в деньгах, а теперь вот и азарта не осталось. Так есть ли смысл рисковать дальше? Пора пожить для себя, решено. Осталось только вернуться домой...

Норк не вызвал у Чары симпатии с первого взгляда, начиная с собственно погоды, которой он встретил гостей из Ольбада, вынудив дирижабль садиться сквозь низкие тяжелые тучи. Они укрыли город и все его окрестности толстым серым одеялом, лишь самую малость не цепляясь брюхом за вышки. К счастью, грозы не ожидалось, да и ветер был слабым, так что причалило воздушное судно без проблем.

Пассажиров и их вещи до вокзала довели несколько автобусов, выкрашенных в угрюмый темно-зеленый — не чета радужным вагончикам в Беряне. Да и само здание воздушного вокзала Чарген не понравилось все по той же при-

чине: слишком тускло и мрачно, и это впечатление не получилось списать на собственное плохое настроение.

Большое пустое пространство, похожее на железнодорожный дебаркадер, — темный свод из чугунных арок, крытый чем-то серым. Через него спешили во всех направлениях люди, прорва людей, и почему-то подавляющее их большинство тоже было серым. Серые плащи всех оттенков на женщинах, серые костюмы на мужчинах — каждый в отдельности был, наверное, не так уж плох, но все вместе создавало давящую, тяжелую атмосферу. Вкрапления коричневого, темно-синего и темно-зеленого совсем не спасали — окружающая серость, кажется, напознала на них туманом и стремилась подмять под себя.

Раздражали грязные цвета и суета, нервировали крики шмыгающих в толпе торговцев всякой мелочью. В Беряне такие тоже были, но они сидели в симпатичных маленьких будочках с вывесками вдоль стен вокзала, а не путались под ногами.

И дело было, конечно, не в возрасте, о котором говорил Ралевич: в тридцать четыре при ее стиле жизни сложно оставаться ребенком даже в глубине души. Может быть, в Чарген была слишком сильна горячая ромальская кровь, доставшаяся от отца, или для этого вполне хватило бы ольбадской, или примеси мадирской с материнской стороны — не важно. Но Чара искренне любила яркие цвета и отчасти поэтому любила Беряну и даже ее жителей, несмотря ни на что.

А здесь... Даже в своем скромном светло-голубом плаще золотоволосая Цветана выделялась на фоне окружающих. И при необходимости смешаться с толпой ей тоже пришлось бы посереть. В прямом смысле.

Чара проводила тоскливым взглядом единственное попавшееся яркое пятно, женщину в апельсиново-оранжевом плаще. Та поймала ее взгляд и, понимающе улыбнувшись, подмигнула. Также, наверное, ольбадка. Стало немного легче, а потом они наконец выбрались наружу.

Воздушный порт, как и положено, находился в стороне от города, и вокруг большой площади раскинулись поля, обведенные кромкой леса. Также темные, кажущиеся сонными без солнца, но при взгляде на этот простор, на рассы-

панное по одному из полей стадо бело-рыжих коров Чара испытала облегчение. В мрачной пещере дебаркадера начало казаться, что цветов в мире попросту не осталось, и расхожее выражение «чтоб мне посереть» заиграло новыми, особенно жуткими красками.

— Павле! — привлек внимание окрик, и к ним подбежал мужчина лет тридцати пяти. — Чуть тебя не пропустил. А это что за прелестный цветок? Позвольте вашу руку, мэм!

Чарген вопросительно посмотрела на мужа, на всякий случай сцепив ладони за спиной и не спеша что-то там позволять странному типу, даже не подумавшему назваться.

— Это мой племянник, Хован Живко, представитель «Северной короны» в Регидоне. Цветана — моя жена. — Сказано все это было с какими-то очень странными интонациями. Как будто Ралевич имел в виду совсем другое, и собеседник это другое понял.

Племянник расплылся в довольной улыбке и все же припал к руке, дольше уклоняться от этого ритуала на ее месте было бы странно и нелепо. Однако, к облегчению Чары, долго мусолить ее ладонь мужчина не стал, да и губы у него оказались сухими и теплыми, а не мерзко скользкими, как успело нарисовать ее подстегнутое окружающей серостью воображение.

— Очень приятно, — с ласковой улыбкой соврала Чарген.

Нельзя сказать, что новый знакомый сам по себе вызывал сильные отрицательные эмоции. Наоборот, на первый взгляд он показался гораздо более приятным человеком, чем Ралевич, и вполне мог оказаться таковым на самом деле. Дело опять было в муже и той истории, в которую он впутал Чарген. В дирижабле от этого удалось отвлечься, а теперь тревожные мысли одолели с новой силой. Артефактор явно продолжал тянуть Чару все глубже, и та готова была видеть подтверждение этому даже там, где его не существовало.

Хован же... Мужчина как мужчина. Худощавый, среднего роста, с порывистыми и как будто немного нервными движениями. Лицо узкое, располагающе-никакое, глаза карие — типичный ольбадец. Чара решила, что из него получился бы прекрасный мошенник на доверии, причем безо

всяких магических ухищрений, к каким приходилось прибегать ей самой: лицо приятное, но описать его словами не сможет даже опытный следователь, а к составленному по описанию портрету подойдет пять ольбадцев из десяти и примерно каждый восьмой уроженец соседних провинций.

Одет он тоже был неброско, по местному обычаю. Черный костюм в тонкую белую полоску, в руке — черная шляпа с полями. Темные короткие волосы тщательно прилизаны, словно мокрые, и блестят. Пожалуй, Чарген больше всего не понравилась в нем именно прическа, какой щеголяли многие регидонцы вокруг: такое ощущение, что волосы грязные, засаленные. Непонятно, кому вообще такое может нравиться?!

— Павле, а у тебя есть брат или сестра? — спросила Чарген, когда они пошли к автомобилю.

— Нет. Хован — сын моего кузена, ты видела его на приеме.

— Прости, там было столько новых лиц, — покачалась она, хотя кузена вспомнила, они с Ралевичем были очень похожи.

Пока усаживались в машину — тоже черную, и Чара чувствовала, что скоро возненавидит этот цвет вместе со всеми оттенками серого, — Живко болтал о погоде и прочих пустяках. Рассказывал, куда стоит сходить в городе, и список на две трети состоял из ресторанов, баров и подобных заведений. Это показалось странным: вряд ли здесь не имелось других достопримечательностей, все же столица, большой город. То ли Хован любил поесть, то ли — выпить. Последнее вызывало сомнения, на пьяницу и кутилу он совсем не походил.

Живко устроился за рулем и, когда машина тронулась, обратился к Ралевичу на незнакомом Чаре языке. Видимо, на местном. Муж ответил легко — кажется, регидонский он знал отлично.

— А что он сказал? — с любопытством захлопала глазами женщина.

— Не обращай внимания, Цветочек, отдыхай и наслаждайся поездкой. Мы о работе, — отмахнулся артефактор.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1.</i> Замужество как прыжок с парашютом: первый раз страшно, потом увлекаешься	14
<i>Глава 2.</i> Покойники порой доставляют больше проблем, чем живые	29
<i>Глава 3.</i> Первое впечатление обманчиво, но его чаще всего хватает . . .	53
<i>Глава 4.</i> Правда как лекарство: очень важно соблюдать дозировку . . .	73
<i>Глава 5.</i> Когда пытаешься обманывать всех, главное — не обмануть еще и себя	92
<i>Глава 6.</i> Везение — это чаще всего результат тщательной подготовки	113
<i>Глава 7.</i> Рефлексы быстрее разума, но именно ему приходится разгребать последствия	133
<i>Глава 8.</i> Поступать правильно зачастую не очень-то приятно.	146
<i>Глава 9.</i> Недооценка чувств как недооценка противника — верный шаг к поражению	168
<i>Глава 10.</i> Даже если мужчина избегает женщин, рано или поздно его догонят	185
<i>Глава 11.</i> Если женщина не идет из головы, то голову эту можно считать потерянной	204
<i>Глава 12.</i> Хороший друг — это здравый смысл, хранящийся отдельно	220
<i>Глава 13.</i> Женская обида как грипп: внезапна, неразборчива и приносит осложнения	232
<i>Глава 14.</i> Мужчины не понимают намеков и очень активно этим пользуются	255
<i>Эпилог</i>	278